

Цзи Саньмэй продолжил допрашивать:

— Госпожа, вы чувствуете вину перед Цзи Саньмэем?

Ли Хуань в панике отступала:

— Кто ты такой?!

Цзи Саньмэй оставался спокоен:

— ...Если нет, то чего же вы боитесь?

Ли Хуань больше не могла выносить этого ужасного давления. Она вскочила на ноги и, пошатываясь, бросилась прочь.

Но ей послышался звучащий из-за спины насмешливый голос Цзи Саньмэя:

— Вам не убежать.

Едва он произнёс эти слова, Ли Хуань с ужасом обнаружила, что не может сделать ни шага.

Невидимый купол кроваво-красного цвета окутал весь павильон Ишуй, отрезав его от мира. Павильон превратился в одинокий остров, на котором остались лишь Цзи Саньмэй и Ли Хуань.

...Убежать было невозможно.

Ли Хуань беспомощно была по светящемуся куполу и, убедившись, что бежать действительно некуда, сжавшись, обернулась.

По лицу Цзи Саньмэя струилось алое сияние киноварных талисманов, волнообразное мерцание, и эти кровавые узоры лишили его лицо всякой притворной покорности, оставив лишь ослепительную, демоническую красоту.

Увидев эти до боли знакомые талисманы, Ли Хуань не смогла сдержаться и, схватившись за голову, залилась пронзительным криком.

Широкие буддийские одежды Цзи Саньмэя серого цвета развевались на ветру, просторные рукава наполнялись летним ветерком и стрекотом насекомых, полощась:

— Ли Хуань, неужели вы думали, что после клеветы на меня сможете просто так уйти?

Из травы у павильона вдруг раздался протяжный, почти кричащий стрекот кузнечика, звук был пронзительным и тонким, словно резал по живой плоти.

Глядя на перекошенное от страха лицо Ли Хуань, Цзи Саньмэй убрал с лица сверкающие светом талисманы, и в его голосе зазвучала гипнотическая, бесплотная мелодия:

— Все эти годы, госпожа, разве вы не чувствовали передо мной вины? Вам не снилось, что я вернусь к вам? Хотя бы раз... вам не хотелось искупить свою вину смертью?

Пот и слёзы Ли Хуань с шумом падали на пол, их дробный звук был подобен ударам свинцовых молотов, они били, визжали, ревели, доводя её до головокружения и безумия:

— Я не хотела тебе навредить! Это ты первый навредил моей сестре!

Цзи Саньмэй, слушая её бледные оправдания, язвительно возразил:

— Вы сами это видели?

На лбу Ли Хуань вздулись вены:

— Кто-то видел! Маленькая Лун Ин исчезла именно у тебя! Если не ты, то кто же?! Ты заставил мою сестру влюбиться в тебя, ты увёл её душу, ты украл тело маленькой Лун Ин, ты ловил демонов, чтобы забирать их ядра! Ты лицемерный негодяй!

Цзи Саньмэй фыркнул.

— Чему ты смеёшься? — Теперь любое выражение лица Цзи Саньмэя могло вызвать у Ли Хуань приступ гнева и страха. На её скулах напряглись мускулы, она готова была разорвать его на части, но при этом изо всех сил сдерживала крик ужаса в горле.

Цзи Саньмэй сказал:

— Вам стоит быть мне благодарной.

Ли Хуань не поверила своим ушам:

— Что?

— Если бы я действительно хотел быть лицемером, я бы никогда не позволил таким глупым, как вы, испытывать ко мне хотя бы тень неприязни. Вы бы молились на меня, как на божество, преклонялись бы передо мной.

Цзи Саньмэй продолжил:

— Если бы я действительно хотел совершить человеческое жертвоприношение, я бы создал куклу, неотличимую от Лун Ин, и постепенно подменил бы её во всём. Никто бы не обнаружил исчезновения настоящей Лун Ин, даже её отец. Я бы позволил твоей сестре погибнуть при нападении демонов, а когда она была бы при смерти, поспешил бы на помощь, убил бы демона, обнял бы её и поцеловал в губы — я бы заставил её добровольно отдать своё влюблённое сердце мне, убийце.

Человеческая низость, сквозившая в каждом слове, заставила Ли Хуань взорваться. Она замахнулась и изо всех сил ударила Цзи Саньмэя по лицу:

— Ты мерзавец!

Но её рука застыла в воздухе, не в силах опуститься ни на йоту.

Цзи Саньмэй уставился на её дрожащую ладонь, и в его левом глазу мелькнуло яркое алое сияние:

— Мои родители умерли давно, и с тех пор никто не имел права меня бить.

Едва он произнёс это, раздался хлопок — занесённая для удара ладонь Ли Хуань со всей силы обрушилась на её же собственное лицо.

Ли Хуань остолбенела. Она опустила голову, глядя на свою распухшую и покрасневшую ладонь, губы её дрожали от боли, а половина лица онемела и не слушалась.

...Почему? Зачем она сама себя ударила?

Колдовство?! Колдовство Цзи Саньмэя!!

Цзи Саньмэй слишком хорошо читал её мысли. Он сел на пол, скрестив ноги, снова убрал магическую силу и принялся медленно очищать чашку лотосовых семян, вынимая горькие сердцевинки. На его губах играла едва уловимая насмешка:

— Госпожа Ло, вам пора отучиться от привычки во всём винить других.

Он поднял голову и прямо посмотрел в остекленевшие глаза Ли Хуань, тон его голоса вдруг переменялся, наполнившись искренним и мягким сочувствием:

— Эти восемь лет вы ненавидели впустую, не так ли? Из-за того, что случилось тогда, вы потеряли самую близкую сестру, да и Вэй Тина тоже не смогли удержать. Не стало у вас ни родных, ни любимого. Вот вы и подумали: раз некому любить, пусть будет хоть кто-то, кого можно ненавидеть. Но кого ненавидеть? Сестру? Вэй Тина? Разве вы могли? Потом вы подумали, что Цзи Саньмэй — неплохая кандидатура. Вы никогда не видели воочию, как он уводит душу вашей сестры, но все твердили, что Лун Ин исчезла у него, значит, виновен должен быть он. Значит, он и есть тот демон, что совершил человеческое жертвоприношение, раз все так говорят. Не хватало лишь того, кто подтвердит его вину, сделает её неоспоримой. Тогда вы могли бы ненавидеть его на законных основаниях.

Со лба Ли Хуань капал холодный пот, пряди волос слиплись:

— Я не... Я не...

Цзи Саньмэй продолжал:

— ...И вы смело выступили вперёд, указали на него, заявили, что всё это — его рук дело. Вы были спасителями Цзи Саньмэя, ни один деревенский не усомнился бы в ваших словах. Но Вэй Тин продолжал защищать его, и вы оказались в безвыходном положении. Если бы вы отказались от своих слов, то не только не смогли бы убедить деревенских, не утолили бы всеобщий гнев, но и вызвали бы отвращение у Вэй Тина. Поэтому вам пришлось вылить на Цзи Саньмэя всю ту грязь, какую только смогли придумать.

Цзи Саньмэй не смотрел на подавленную Ли Хуань и сам перевёл разговор:

— Все эти годы, госпожа, вам, наверное, было нелегко с сестрой, лишённой души? Если бы какой мужчина захотел взять вас в жёны, ему пришлось бы содержать и вашу сестру.

Цзи Саньмэй спросил:

— Вы, будучи девственницей, вышли замуж за старика Ло, которому уже за шестьдесят. Насколько это было искренне с вашей стороны?

Голос Цзи Саньмэя был мягким, но в нём всё сильнее звучал гипнотический оттенок:

— Ли Хуань, а не ненавидели ли вы свою сестру? Если бы она не влюбилась не в того человека, она бы не обрекла вас на брак со стариком, не заставила бы вас потратить лучшие годы юности...

Ли Хуань резко подняла голову и в ужасе посмотрела на Цзи Саньмэя.

Цзи Саньмэй, словно опытный наставник, терпеливо и методично срывал с неё все маски, выставляя напоказ её мимолётные уродливые мысли:

— Верно, вы до глубины души ненавидели лицемерие Цзи Саньмэя. Но разве вы сами не лицемерили?

Пока эхо этих слов ещё звучало в павильоне, кроваво-красная печать, отрезавшая павильон Ишуй от внешнего мира, вновь проявилась. Но на этот раз Цзи Саньмэй оставил для Ли Хуань выход.

Сторона павильона, обращённая к реке Ишуй, была свободна. Вода бурлила, унося вниз по течению мелкие пенящиеся волны.

Под звук бегущей воды Цзи Саньмэй с неподдельной искренностью подвёл итог:

— Госпожа, вы действительно жалки.

Ли Хуань больше не могла слушать. Дрожа, она поднялась с пола и, с мертвенно-бледным лицом, бросилась бежать прямо в речные воды.

Она не желала оставаться здесь ни секунды больше!

Неужели она и вправду лицемерка? Неужели она стала тем, кого ненавидела больше всего?

Водоросли на дне реки обвили её лодыжки, но, погружаясь в воду, она не чувствовала страха.

Ненависть ослепила её, а напоминание Цзи Саньмэя грубо сорвало слой лжи и мрака, накопившийся за долгие годы.

Возможно, были вещи, о которых не догадывался даже сам Цзи Саньмэй.

<http://bllate.org/book/16281/1466225>